

Роль просоциальной идентичности и предубеждений в готовности помогать пострадавшим от домашнего насилия

Ананьева О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: ooananyeva@hse.ru

Прусова И.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Цель. Оценка роли просоциальной идентичности, амбивалентных предубеждений, самоэффективности и гнева в намерениях участвовать в коллективной активности по помощи женщинам и мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия.

Контекст и актуальность. С момента декриминализации побоев внутри семьи в России в 2017 году исследователи отмечают различные стратегии депроблематизации домашнего насилия в российских СМИ, а результаты социологических опросов отмечают низкую готовность россиян помогать пострадавшим. Исследование предикторов готовности участвовать в коллективной активности по помощи пострадавшим от домашнего насилия позволит уточнить психологические механизмы и барьеры к реализации просоциального потенциала россиян, а также же разработать рекомендации для проведения социальных кампаний по помощи пострадавшим.

Дизайн исследования. Теоретической рамкой исследования послужила модель социальной идентичности коллективной активности в модификации Агостини и ван Зомерена. В работе исследовались связи между просоциальной идентичностью (идентификацией с помогающими организациями), амбивалентными установками по отношению к женщинам и мужчинам, самоэффективностью по изменению ситуации, переживанием гнева и намерениями участвовать в коллективной активности по помощи женщинам и мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия. Прямые и непрямые связи проверялись при помощи моделирования структурными уравнениями методом частичных наименьших квадратов.

Участники. Российская выборка: N_1 (готовность помогать женщинам) = 323 (54,8% женщин) от 18 до 78 лет ($M = 36,63$; $SD = 12,15$), N_2 (готовность помогать мужчинам) = 267 (53,2% женщин) от 18 до 64 лет ($M = 35,46$; $SD = 10,32$).

Методы (инструменты). Русскоязычные версии методик ингрупповой идентификации К. Лича, амбивалентного сексизма и амбивалентности по отношению к мужчинам П. Глик и С. Фиск, вопросы для измерения самоэффективности по изменению ситуации, переживаемого гнева, а также намерений к участию в коллективной активности по помощи, адаптированные из Европейского Социального Исследования.

Результаты. Просоциальная идентичность вносит значимый положительный вклад в намерение помогать пострадавшим от домашнего насилия (далее — ДН) женщинам и мужчинам как напрямую, так и опосредованно через самоэффективность (для обеих целевых групп) и переживание гнева (только для группы пострадавших мужчин). Враждебный сексизм и доброжелательные установки (по отношению к женщинам и мужчинам) напрямую подрывают готовность участвовать в отдельных формах помощи.

Основные выводы. *Существуют значимые взаимосвязи между просоциальной идентичностью, самоофективностью, гневом, амбивалентными предубеждениями и готовностью помочь пострадавшим от домашнего насилия.*

Ключевые слова: *идентичность; домашнее насилие; коллективная активность; помогающее поведение; амбивалентный сексизм; амбивалентность по отношению к мужчинам.*

Финансирование. *Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).*

Для цитаты: *Ананьева О.А., Прусова И.С. Роль просоциальной идентичности и предубеждений в готовности помочь пострадавшим от домашнего насилия // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 207–225. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150414>*

The Role of Prosocial (Politicized) Identity and Prejudice in Collective Action Intentions to Help Women and Men Suffered from Domestic Violence

Olga A. Ananyeva

*National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: [oananyeva@hse.ru](mailto: oananyeva@hse.ru)*

Irina S. Prusova

*National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: [iprusova@hse.ru](mailto: iprusova@hse.ru)*

Objective. *Analysis of the relationships between prosocial identity, ambivalent prejudice, self-efficacy, and anger in intentions to participate in collective action to help women and men suffered from domestic violence.*

Background. *Since the decriminalisation of domestic violence in Russia in 2017, researchers have noted various strategies to de-problematize domestic violence in Russian media and public opinion polls indicate the low willingness of Russians to help domestic violence survivors. A study of predictors of willingness to participate in collective action to help domestic violence survivors will help to clarify psychological mechanisms and barriers to the realisation of the prosocial potential of Russians, as well as develop recommendations for social campaigns aimed at helping violence survivors.*

Study design. *Theoretical framework of the current study was Dual Chamber Model of Collective Action (modification of Social Identity Model of Collective Action). The study examined the relationship between prosocial (politicized) identity (i.e. identification with helping groups), ambivalent prejudice towards women and men, self-efficacy to change a situation, anger and the intentions to participate in various forms of collective action to help women and men suffered from domestic violence. Direct and indirect associations were tested using partial least squares structural equation modelling (PLS-SEM).*

Participants. *Two Russian samples. N_1 (intentions to help women) = 323 (54,8% females, 45,2% males) from 18 to 78 years old ($M = 36,63$; $SD = 12,15$), N_2 (intentions to help men) = 267 (53,2% females, 46,8% males) from 18 to 64 years old ($M = 35,46$; $SD = 10,32$).*

Measurements. *Adapted to Russian scales of the in-group identification developed by C. Leach, the ambivalent sexism and ambivalence towards men inventories by P. Glick and S. Fiske, questions measuring self-efficacy to change situation, anger, and intentions to participate in various forms of collective action to help women and men suffered from domestic violence, adapted from European Social Survey.*

Results. *Prosocial identity makes a significant positive contribution to the intentions to help women and men suffered from DV, both directly and indirectly through self-efficacy (to help both women and men suffered from DV) and anger (to help men suffered from DV). Hostile sexism and benevolent attitudes (both towards women and men) directly undermine the willingness to engage in certain forms of prosocial collective action.*

Conclusions. *There are significant associations between prosocial identity, self-efficacy, anger towards the situation of survivors, ambivalent prejudice and willingness to participate in various forms of collective action to help women and men suffered from domestic violence.*

Keywords: *identity; domestic violence; helping behaviour; ambivalent sexism; ambivalence towards men; intimate partner violence.*

Funding. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

For citation: Ananyeva O.A., Prusova I.S. The Role of Prosocial (Politicized) Identity and Prejudice in Collective Action Intentions to Help Women and Men Suffered from Domestic Violence. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 207–225. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150414> (In Russ.).

Введение

С момента декриминализации побоев в 2017 г. в российском дискурсе ведутся активные обсуждения проблемы домашнего насилия (ДН). Анализ судебных приговоров выявил, что за 2011–2019 гг. 12209 из 18547 (65,8%) убитых в России женщин погибли от рук членов семьи, а в 2021 г. доля погибших от ДН выросла до 71,7% [3]. Исследователи отмечают различные стратегии депроблематизации ДН в российских СМИ, которые могут оказывать влияние на отношение россиян к ДН [6]. Срезы общественного мнения демонстрируют, что россияне, с одной стороны, верят, что ДН — серьезная социальная проблема, с другой стороны, расходятся во мнениях о необходимости законодательной защиты от ДН [11]. Опросы также свидетельствуют о низкой готовности людей помогать пострадавшим от ДН по сравнению с представителями других групп населения [10]. Низкая просоциальная активность по помощи пострадавшим от ДН может быть связана с социальными установками по отношению к ДН и пострадав-

шим [21], а также с предубеждениями по отношению к различным социальным группам [15].

На протяжении десятилетий психологи изучают роль отдельных факторов, стимулирующих и препятствующих участию в коллективной активности [13; 24; 37; 38]. Под коллективной активностью понимаются действия, направленные на изменение положения определенных социальных групп, подвергшихся несправедливому обращению, включающие протестную активность, демонстрации и социальные движения, подпись петиций, совершение пожертвований и другие формы социальной мобилизации [33; 38]. Особое внимание привлекла модель социальной идентичности коллективной активности (Social Identity Model of Collective Action, SIMCA), разработанная Ван Зомереном и коллегами и валидизированная в разных странах [38].

Согласно SIMCA готовность участвовать в коллективной активности определяется социальной идентичностью, оценкой несправедливости и

эффективности по изменению ситуации [38]. Причем социальная идентичность как оценка субъективной важности принадлежности к определенной группе вносит наиболее существенный вклад в готовность к коллективной активности как напрямую, так и опосредованно через восприятие несправедливости и самоэффективность. В ранних исследованиях изучалась коллективная активность представителей низкостатусных групп для улучшения положения своей группы [24; 37]. В последнее время фокус сместился на исследования коллективной активности представителей высокостатусных групп по помощи социально уязвимым группам населения [34]. Для представителей высокостатусных групп готовность помогать социально уязвимым группам может быть обусловлена необходимостью снижения негативных переживаний при столкновении с информацией о неблагоприятном положении последних, реализацией ценностей (например, эгалитарных), поддержанием положительных представлений о своей группе [13; 38]. В случае коллективной активности представителей высокостатусных групп по помощи низкостатусным группам уместно изучение просоциальной (politicized) идентичности, или идентификации с помогающими организациями или социальными движениями. Метааналитические работы выявили, что эффект просоциальной идентичности значимо выше по сравнению с идентификацией с конкретными социальными группами, которым оказывается помощь [38].

Участие в коллективной активности также обусловлено оценкой несправедливости занимаемого группой положения, что может проявляться

в переживании гнева (аффективный компонент) и субъективной оценке несправедливости (когнитивный компонент) [38]. Результаты исследований показывают, что оценка нелегитимности статуса или несправедливости положения группы приводит к участию в коллективной активности [24] через переживание гнева, выступающего драйвером социальной мобилизации [30; 36]. Самоэффективность как оценка возможности достижения желаемых результатов и непосредственно социальных изменений выступает еще одним предиктором коллективной активности [38; 39]. Психологический механизм вклада самоэффективности в готовность участвовать в коллективной активности обусловлен восстановлением чувства воспринимаемого контроля [17].

Ранние модификации модели SIMCA фокусировались на факторах, способствующих участию в коллективной активности, и не учитывали препятствующие ей факторы. В ряде работ исследователи выделяют психологические предикторы, выступающие в качестве барьеров к участию в коллективной активности, а именно — оправдание системы и предубеждения [5; 16; 18; 29; 32]. В частности, Эллемерс и Баррето обнаружили, что выражение современных форм сексизма вызывает меньшую реакцию на несправедливость (гнев) и подрывает готовность к коллективной активности [18]. При этом Бекер и Райт выявили более сложные связи между враждебным и доброжелательным сексизмом и готовностью к коллективной активности, опосредованные оправданием гендерной системы [16]. Готовность к участию в коллективной активности была ниже среди женщин, которым

предъявлялась стимульная информация о доброжелательном сексизме, и выше — среди женщин, которым предоставлялась информация о враждебном сексизме [16]. Другие исследования обнаружили, что предубеждения по отношению к аутгруппам предсказывают коллективную активность, направленную *против* данных групп [32].

В контексте изучения роли сексизма в формировании отношения к ДН и готовности помогать пострадавшим исследования показывают, что как враждебные, так и доброжелательные установки связаны с оправданием насилия [12], перекладыванием вины [15] и меньшей готовностью помогать пострадавшим [14; 28]. Для людей с выраженными доброжелательными установками важную роль играет соответствие пострадавших традиционным гендерным ролям [15; 25]. Если последние воспринимаются в качестве агентов, отклоняющихся от традиционных гендерных норм, они могут сталкиваться с антипатией и отказом в помощи со стороны людей с выраженными предубеждениями [15; 25].

Согласно традиционному распределению гендерных ролей мужчины должны выступать в качестве защитников женщин [1]. Столкновение с информацией о насилии (как в отношении женщин, так и мужчин) может представлять угрозу традиционным представлениям о гендерных нормах и вызывать тревогу, для совладания с которой люди могут прибегать к различным стратегиям рационализации или оправдания насилия [4], которые, в свою очередь, могут влиять на готовность оказывать помощь пострадавшим [21; 28].

В метаанализе предикторов коллективной активности Агостини и ван Зомерен предложили модификацию модели

SIMCA — двухкамерную модель коллективной активности (Dual Chamber Model of Collective Action), в которую добавлена моральная мотивация [13]. В рамках этой модели оправдание системы и предубеждения концептуализируются в качестве моральных оснований и вносят отрицательный вклад в готовность к коллективной активности.

На основе результатов представленных исследований возникает вопрос о прямых и непрямых эффектах просоциальной идентичности, враждебных и доброжелательных установок по отношению к женщинам и мужчинам на намерения участвовать в разных формах коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН, опосредованных через переживание гнева и оценку самоэффективности.

Цель настоящего исследования — изучить вклад просоциальной идентичности и амбивалентных предубеждений в коллективную активность по помощи пострадавшим от ДН, опосредованный через самоэффективность и гнев. В исследовании была эмпирически протестирована модель, которая включала коллективную активность в качестве зависимой переменной, просоциальную идентичность, доброжелательное и враждебное отношение к женщинам и мужчинам в качестве предикторов, гнев и самоэффективность в качестве медиаторов, пол, доход, образование и субъективный социально-экономический статус в качестве контрольных переменных (рис. 1). Включение контрольных переменных обусловлено результатами исследований, показывающих, что люди разного социального статуса (образование, доход, пол) демонстрируют различия в отношении к ДН и готовности к участию в коллективной активности [15; 27; 33].

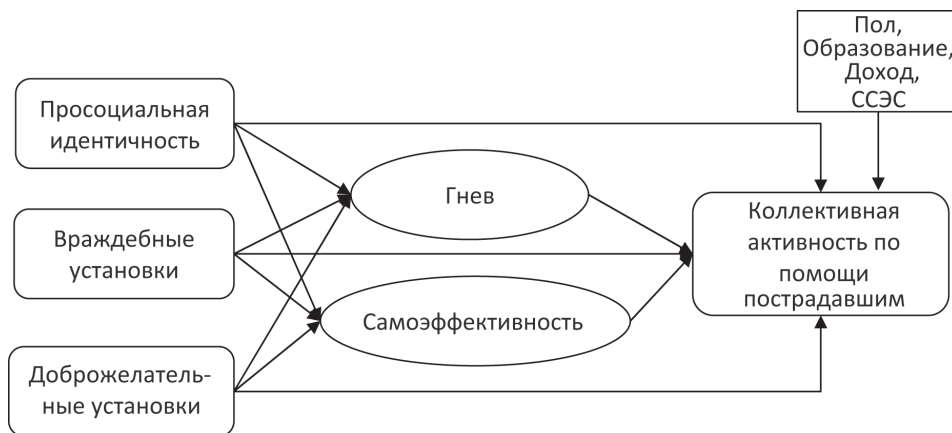

Рис. 1. Модель исследования

Примечание. ССЭС – субъективный социально-экономический статус.

Метод

Процедура исследования. Респонденты участвовали в 2 независимых онлайн-опросах. Рекрутинг производился на сервисе Яндекс.Толока за небольшое денежное вознаграждение. Респонденты были проинструктированы о процедуре и цели исследования, давали информированное согласие на участие, заполняли методики для измерения ингрупповой идентификации с группами, занимающимися помощью пострадавшим от ДН, амбивалентных установок по отношению к женщинам или мужчинам, отвечали на вопросы, направленные на оценку самоеффективности по изменению положения группы женщин или мужчин, пострадавших от ДН, гнева по отношению к положению целевой группы, а также на измерение готовности участвовать в различных формах коллективной активности по помощи пострадавшим.

Выборка. В исследовании, посвященном изучению готовности помогать пострадавшим от ДН женщинам, приняли участие 323 (55% женщин) россиянина от 18 до 78 лет ($M = 36,63$; $SD = 12,15$). В исследовании, посвященном изучению го-

товности помогать пострадавшим от ДН мужчинам, – 267 (53% женщин) россиян от 18 до 64 лет ($M = 35,46$; $SD = 10,32$).

Методики исследования:

1. Просоциальная идентичность измерялась с помощью адаптированной методики оценки ингрупповой идентификации К. Лича и др. [2; 26]. Методика включает 9 утверждений (α Кронбаха = 0,90 в Исследовании 1 и 0,92 в Исследовании 2), например, «Принадлежность к группе, которая помогает женщинам/мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия, делает меня счастливым». Респонденты отмечали степень согласия по 5-балльной шкале (1 – абсолютно не согласен, 5 – абсолютно согласен).

2. Амбивалентный сексизм измерялся при помощи адаптированной методики П. Глика и С. Фиск [1; 19]. Шкала враждебного сексизма включает 6 утверждений ($\alpha = 0,85$), шкала доброжелательного сексизма – 6 утверждений ($\alpha = 0,88$). Респонденты отмечали степень согласия по 6-балльной шкале (0 – совершенно не согласен, 5 – совершенно согласен).

3. Амбивалентные установки по отношению к мужчинам измерялись при помощи адаптированной методики П. Глика и С. Фиск [7; 20]. Шкалы враждебного отношения ($\alpha = 0,75$) и доброжелательного отношения ($\alpha = 0,85$) к мужчинам включают 6 утверждений каждая. Респонденты отмечали степень согласия по 6-балльной шкале (0 — совершенно не согласен, 5 — совершенно согласен).

4. Самоэффективность по изменению ситуации измерялась при помощи вопроса «В какой степени Вы можете повлиять на улучшение положения женщин/мужчин, пострадавших от домашнего насилия?» [39]. Респондентов просили ответить по 5-балльной шкале (1 — совсем нет, 5 — очень сильно).

5. Гнев по отношению к ситуации измерялся при помощи вопроса «Подумайте о положении женщин/мужчин, пострадавших от домашнего насилия в обществе. В какой степени Вы испытываете гнев, когда думаете об этом?» [36]. Респондентов просили ответить по 5-балльной шкале (1 — совсем нет, 5 — очень сильно).

6. Намерение участвовать в коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН измерялось при помощи серии вопросов: «Насколько Вы готовы: 1) Перечислять пожертвования в организации, которые занимаются помощью [...]; 2) Подписывать коллективные петиции [...]; 3) Обсуждать с членами семьи и друзьями вопросы, связанные с помощью [...]; 4) Участвовать в общественных движениях, направленных на помощь [...]». Респонденты отмечали степень готовности по

7-балльной шкале (1 — абсолютно не готов, 7 — абсолютно готов).

7. Социально-демографические характеристики включали вопросы о поле (1 = женщина, 2 = мужчина), образовании (1 — начальное, 7 — два и более высших образования), доходе (1 — «менее 15000 руб.», 14 — «более 200000 руб.»), субъективном социально-экономическом статусе респондентов, например «Где бы Вы поместили себя на лестнице, где на самом верху находятся наиболее успешные люди, в самом низу находятся люди в худшем положении, чтобы проиллюстрировать свое положение по сравнению с другими людьми в России?» (1 — в самом низу, 11 — на самом верху) [40].

Результаты

В таблице представлены описательные статистики и корреляции между переменными. Результаты корреляционного анализа (метод Спирмена¹) показали, что намерения к участию во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН положительно связаны друг с другом, с просоциальной идентичностью, самоэффективностью и переживанием гнева.

Готовность участвовать в коллективной активности по помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия

Модель вклада просоциальной идентичности, враждебного и доброжелательного сексизма, самоэффективности и гнева в намерения к участию в разных формах коллективной активности по помощи пострадавшим женщинам тестировалась при помощи моделирования

¹ Так как пол в данном исследовании является бинарной переменной и измеряется при помощи номинальной шкалы, для оценки связей между полом и другими переменными использованы бисериальные коэффициенты корреляции.

Таблица

Описательные статистики и корреляции (исследования N₁ = 323, N₂ = 267)

	М (SD)	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	М (SD)
1. Просоци- альная иден- тичность	2,29 (0,89)		-0,07	0,15**	0,15**	0,50***	0,55***	0,42***	0,50***	0,43***	-0,02	-0,15**	0,02	0,07	2,82 (0,86)
2. Враждеб- ность	3,89 (0,85)	-0,21***		0,35***	-0,11	-0,02	-0,12*	-0,18**	-0,09	-0,16**	0,20***	-0,14*	0,01	-0,01	4,01 (1,35)
3. Доброже- лательность	3,71 (1,05)	-0,09	0,48***		-0,11	0,02	-0,02	-0,10	-0,05	-0,11*	0,04	-0,11*	-0,07	0,09	4,43 (1,55)
4. Гнев	2,10 (1,15)	0,26***	0,00	0,01		0,13*	0,22***	0,18***	0,18***	0,15**	-0,02	0,05	0,04	-0,05	2,59 (1,34)
5. Самоэф- фективность	1,76 (0,95)	0,44***	-0,09	-0,03	0,32***		0,50***	0,37***	0,47***	0,34***	0,05	-0,11*	0,16**	0,14*	2,11 (0,98)
6. Пожертво- вания	2,04 (1,45)	0,55***	-0,16*	-0,10	0,33***	0,63***		0,56**	0,65***	0,52***	-0,00	-0,13*	0,11	0,10	2,75 (1,75)
7. Петitions	2,45 (1,68)	0,52***	-0,10	-0,19**	0,32***	0,52***	0,73***		0,57***	0,61***	-0,15**	-0,15**	0,09	0,09	3,41 (1,99)
8. Социаль- ные движения	2,09 (1,53)	0,54***	-0,14*	-0,10	0,33***	0,67***	0,75***	0,71***		0,60***	-0,01	-0,18**	0,18**	0,11*	2,53 (1,67)
9. Обсуж- дение	2,58 (1,78)	0,55***	-0,18**	-0,15*	0,35***	0,50***	0,67***	0,75***	0,71***		-0,12*	-0,16**	0,07	0,07	3,49 (1,95)
10. Пол		-0,02	-0,11	0,24***	0,06	0,02	-0,03	-0,14*	-0,03	-0,11		-0,12*	0,15**	0,01	
11. Образо- вание	4,14 (1,29)	-0,05	0,00	-0,03	-0,02	-0,12	-0,09	-0,05	-0,02	-0,02	-0,14*		0,21***	0,08	4,17 (1,18)
12. Доход	4,09 (2,44)	-0,02	0,05	0,03	0,01	0,15*	0,07	0,11	0,11	0,03	-0,03	0,18**		0,44**	4,08 (2,56)
13. ССЭС	5,36 (1,82)	0,05	0,16**	0,14*	0,08	0,09	0,11	0,11	0,10	0,08	-0,10	0,18**	0,48**		5,19 (1,79)

Примечание. Результаты исследования 1 (помощь пострадавшим женщинам) представлены над диагональю, исследования 2 (помощь пострадавшим мужчинам) – под диагональю. Пол (1 = женщина, 2 = мужчина), ССЭС – субъективный социально-экономический статус; * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

структурными уравнениями методом частичных наименьших квадратов (PLS-SEM)² в программе SmartPLS 4 [31]. Модель показала удовлетворительное соответствие данным ($SRMR_{estimated} = 0,069$; $SRMR_{saturated} = 0,061$; $R^2 = 0,40$ для пожертвований, 0,29 для петиций, 0,27 для обсуждения проблемы, 0,33 для социальных движений) [23]. Результаты модели представлены на рис. 2.

Просоциальная идентичность и самооффективность вносят значимый положительный вклад в готовность к участию во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим женщинам (пожертвования, петиции, обсуждение проблемы, социальные движения). Гнев вносит положительный вклад только в намерения совершать пожертвования. Враждебный сексизм вносит отрицательный вклад в намере-

ния совершать пожертвования, доброжелательный сексизм — подписывать петиции и обсуждать проблему помощи пострадавшим женщинам. Пол вносит отрицательный вклад³ в намерения подписывать петиции и обсуждать проблему, образование — отрицательный вклад в намерения подписывать петиции, обсуждать проблему и участвовать в социальных движениях по помощи пострадавшим женщинам.

Анализ непрямых эффектов продемонстрировал, что просоциальная идентичность вносит непрямой положительный вклад во все формы коллективной активности по помощи пострадавшим женщинам через самооффективность: обсуждение проблемы ($\beta = 0,07, p = 0,025$), пожертвования ($\beta = 0,12, p < 0,001$), петиции ($\beta = 0,08, p = 0,009$) и социальные движения ($\beta = 0,12, p < 0,001$).

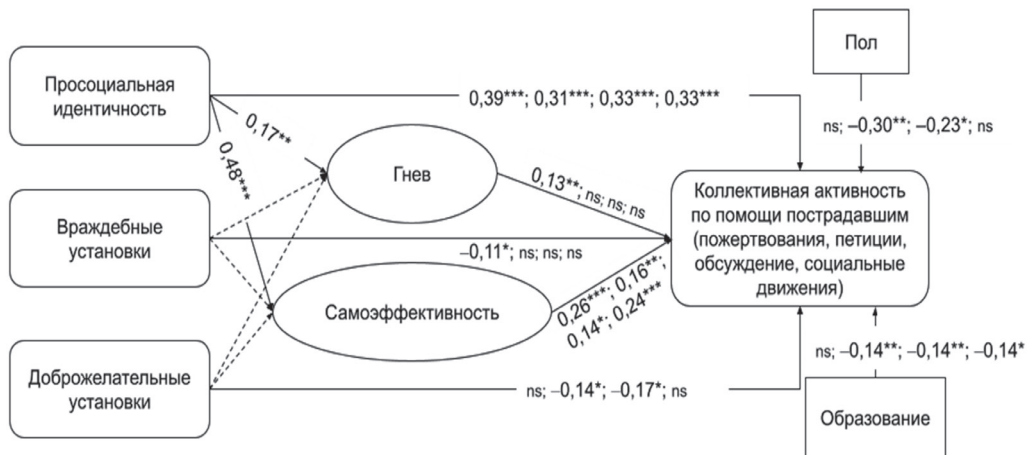

Рис. 2. Прямые эффекты модели готовности помочь пострадавшим от домашнего насилия женщинам
 Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; ns – не значимо

² Аналитическая стратегия включала бутстреп-процедуру с использованием ресэмплинга $n = 5000$ и скорректированных доверительных интервалов.

³ Отрицательный вклад пола свидетельствует о том, что мужчины в меньшей степени готовы участвовать в представленных формах коллективной активности.

Готовность участвовать в коллективной активности по помощи мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия

Модель готовности помогать пострадавшим мужчинам показала удовлетворительные показатели пригодности: $SRMR_{estimated} = 0,079$; $SRMR_{saturated} = 0,072$; $R^2 = 0,47$ для пожертвований, $0,41$ для петиций, $0,39$ для обсуждения проблемы, $0,51$ для социальных движений [23]. Результаты представлены на рис. 3.

Просоциальная идентичность и самоэффективность вносят значимый положительный вклад в намерения участвовать во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим мужчинам (пожертвования, петиции, обсуждение проблемы, социальные движения). Гнев вносит положительный вклад в намерения участвовать в обсуждении проблемы, совершать пожертвования и подписывать петиции.

Доброжелательные установки по отношению к мужчинам вносят отрицательный вклад в намерения подписывать коллективные петиции по помощи пострадавшим от ДН мужчинам. При этом эффекты враждебных установок не значимы.

Анализ социо-демографических характеристик показал, что пол вносит отрицательный вклад⁴ в намерения подписывать петиции.

Анализ непрямых эффектов продемонстрировал, что просоциальная идентичность вносит не прямой положительный вклад в намерения участвовать во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим мужчинам через самоэффективность: обсуждение проблемы ($\beta = 0,10$, $p = 0,002$), пожертвования ($\beta = 0,18$, $p < 0,001$), петиции ($\beta = 0,12$, $p < 0,001$) и социальные движения ($\beta = 0,22$, $p < 0,001$). Просоциальная идентичность вносит не прямой положительный вклад в намерения участвовать

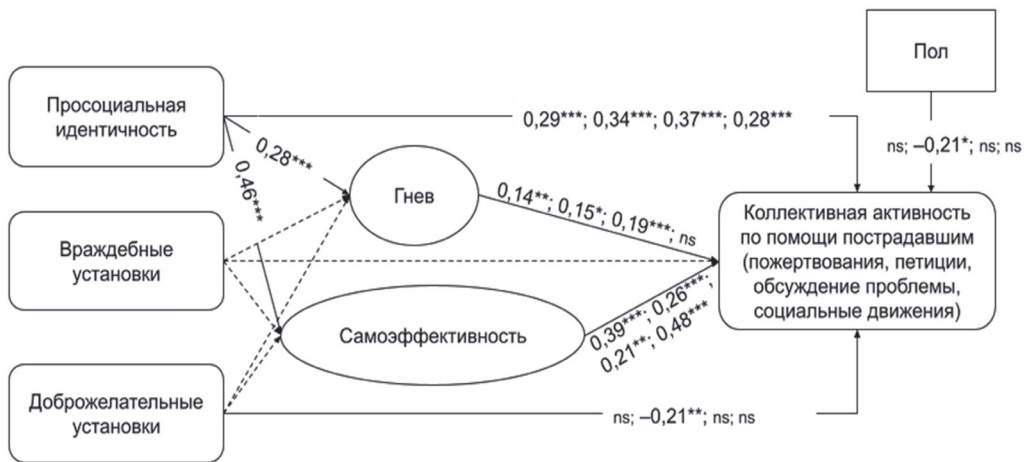

Рис. 3. Прямые эффекты модели готовности помогать пострадавшим от домашнего насилия мужчинам

Примечание: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$, ns – не значимо

⁴ Мужчины в меньшей степени готовы участвовать в представленных формах коллективной активности.

в большинстве форм коллективной активности через гнев: обсуждение проблемы ($\beta = 0,05$, $p = 0,011$), пожертвования ($\beta = 0,04$, $p = 0,022$) и петиции ($\beta = 0,04$, $p = 0,034$).

Обсуждение результатов

Представленное исследование направлено на изучение роли просоциальной идентичности, амбивалентных предубеждений по отношению к женщинам и мужчинам, гнева и самоэффективности в намерениях участвовать в коллективной активности по помощи женщинам и мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия.

Результаты продемонстрировали, что просоциальная идентичность и самоэффективность вносят наиболее стабильный вклад в намерения участвовать во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН. Люди, которые считают принадлежность к помогающим группам важной частью самоопределения, будут с большей готовностью участвовать в помощи пострадавшим. Полученные результаты согласуются с зарубежными и отечественными исследованиями коллективной активности [5; 13; 38]. Другим важным фактором является самоэффективность, то есть вера в возможность повлиять на ситуацию. Россияне, которые верят в возможность улучшения положения пострадавших от ДН, будут с большей готовностью участвовать в различных формах помощи, что также соотносится с результатами прошлых исследований [5; 13; 38; 39].

Эффекты гнева, враждебных и доброжелательных установок по отношению к женщинам и мужчинам продемонстрировали различающиеся результаты. Переживание гнева предсказывало только намерения совершать пожертвования для помощи пострадав-

шим женщинам, а в отношении помощи пострадавшим мужчинам — обсуждение проблемы, подписание петиций и совершение пожертвований. Полученные результаты свидетельствуют о том, что аффективная реакция на несправедливость в виде гнева играет не универсальную роль в готовности к помогающему поведению. Прошлые исследования обнаружили значимую роль надежды на изменение ситуации, которая вносит независимый от гнева вклад в коллективную активность [36].

Анализ не прямых эффектов показал, что просоциальная идентичность вносит не прямой положительный вклад во все формы коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН, опосредованный через самоэффективность. Люди, которые осознают значимость своей принадлежности к помогающим группам, склонны оценивать свои возможности для изменения ситуации на более высоком уровне, возможно, из-за воспринимаемой социальной поддержки и доступных группе ресурсов [22], что, в свою очередь, предсказывает готовность к коллективной активности [13; 38; 39]. Просоциальная идентичность также вносит не прямой положительный вклад в намерения участвовать в обсуждении проблемы, пожертвованиях и подписании петиций по помощи пострадавшим от ДН мужчинам, опосредованный через переживание гнева. Люди, для которых важна принадлежность к помогающим группам, будут более чувствительны к несправедливости положения групп, которым оказывается помощь, испытывать гнев, который, в свою очередь, может побуждать к коллективным действиям [13; 30; 36; 38].

Враждебный сексизм как комплекс негативных установок по отношению к женщинам напрямую подрывает го-

товность совершать денежные пожертвования для помощи женщинам, пострадавшим от ДН. Люди, враждебно настроенные по отношению к женщинам, склонны верить в то, что последние стремятся получать преимущества и власть, устанавливая контроль над мужчинами [1]. Метааналитические исследования показывают, что враждебные установки напрямую связаны с антипатией к женщинам вообще и пострадавшим от ДН женщинам в частности [2; 15]. При этом результаты настоящего исследования обнаружили, что вклад враждебных установок по отношению к мужчинам в коллективную активность по помощи пострадавшим от ДН мужчинам не значим. Возможно, размышление о насилии в отношении мужчин расходится с традиционными представлениями о их высоком статусе в социальной иерархии, что может нивелировать эффект враждебных установок в готовности оказывать им помощь.

Доброжелательный сексизм напрямую подрывает готовность подписывать петиции и обсуждать проблемы, связанные с помощью женщинам, пострадавшим от ДН. Содержание доброжелательных сексистских установок сводится к позитивному отношению к женщинам, следующим традиционным гендерным ролям [1]. Однако отклонение от традиционных норм может вести к негативному отношению к женщинам, нарушающим традиции, включая ситуации домашнего насилия [25]. Столкновение с информацией о ДН может представлять угрозу о справедливости мира и стабильности системы социальных и гендерных отношений и вызывать тревогу, для совладания с которой люди могут прибегать к различным стратегиям рационализации насилия, включая обвинение пострадавших [4].

В частности, доброжелательные установки по отношению к женщинам могут быть связаны с размышлениями о том, что «хорошие жены» насилию не подвергаются, и предсказывать меньшую симпатию к пострадавшим и низкую готовность им помогать [15]. Доброжелательные установки по отношению к мужчинам вносят негативный вклад в готовность подписывать петиции по помощи пострадавшим от ДН мужчинам. Традиционное распределение социальных ролей закрепляет за мужчинами роли защитника [1; 15]. Мужчины, которые сообщают об опыте ДН, могут выступать в качестве угрозы традиционным гендерным нормам, сталкиваясь с негативным отношением и стигматизацией и получать меньшую поддержку и помощь [35].

Анализ социально-демографических характеристик показал, что пол и образование вносили негативный вклад в готовность к отдельным формам коллективной активности по помощи пострадавшим. В частности, мужчины в меньшей степени готовы участвовать в обсуждении проблемы помощи пострадавшим женщинам, а также подписывать петиции по помощи обеим целевым группам. Результаты согласуются с прошлыми исследованиями [14]. Образование вносило негативный вклад в намерения подписывать петиции, обсуждать проблему и участвовать в социальных движениях по помощи женщинам, пострадавшим от ДН. Недавнее исследование коллективной активности показало, что уровень образования отрицательно связан с участием в коллективных действиях (например, протестах, демонстрациях, подписании петиций и пожертвованиях) [33]. Данная связь может косвенно указывать на роль возраста: в коллективных действиях чаще участвуют более моло-

дые люди с неоконченным высшим образованием [33].

Представленное исследование позволило протестировать в российском контексте двухкамерную модель коллективной активности (Dual Chamber Model of Collective Action), разработанную Ван Зомереном и Агостини [13] и расширяющую модель SIMCA [38]. Настоящее исследование также позволило дополнить поле отечественных исследований коллективной активности [5], сместив фокус на просоциальную коллективную активность по помощи социально уязвимым группам населения. Тем не менее работа обладает рядом ограничений. Во-первых, в работе не измерялась идентификация с группами женщин или мужчин, пострадавших от ДН. Несмотря на то, что результаты исследований отмечают бóльший вклад просоциальной идентичности⁵ в коллективную активность по сравнению с идентификацией с группой, которой оказывается помощь [13; 38], последняя может усиливать связи между предикторами модели и намерениями участвовать в коллективной активности. Для уточнения взаимодействия эффектов идентичности дальнейшая траектория исследований помощи пострадавшим от ДН должна включать контроль опыта пережитого насилия и идентификацию с группами пострадавших. Во-вторых, в исследовании не был реализован мультигрупповой анализ, который позволил бы сравнить разницу эффектов модели для разных групп респондентов (в частности, для мужчин и женщин по отдельности), а также не был проведен анализ представлений о целевых группах женщин и мужчин, пострадавших от ДН. Несмотря на значимый вклад пола

в готовность участвовать в различных формах коллективной активности по помощи пострадавшим, остается открытым вопрос о разнице восприятия представителей целевых групп мужчинами и женщинами. В дальнейших исследованиях восприятия гендерного насилия и предикторов помощи пострадавшим необходимо проводить мультигрупповой анализ для уточнения исследуемых эффектов для респондентов-мужчин и респондентов-женщин. В-третьих, в данном исследовании в качестве конструкторов моральных оснований использованы предубеждения по отношению к женщинам и мужчинам. В будущих исследованиях, направленных на изучение роли моральных факторов в коллективной активности, необходимо исследовать другие моральные переменные, например, моральные основания и моральные черты [8; 9]. В-четвертых, в исследовании был изучен вклад гнева (как аффективной реакции на несправедливость) и самоэффективности; в будущих исследованиях необходимо включать другие эмоции (надежда), когнитивные аспекты восприятия несправедливости, а также измерения групповой эффективности, которые вносят независимый вклад в готовность к коллективным действиям [36; 38; 39].

Выводы

На основе результатов настоящего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Просоциальная идентичность и самоэффективность вносят стабильный вклад в готовность участвовать во всех формах коллективной активности по помощи женщинам и мужчинам, пострадавшим от ДН.

⁵ Politicized identity, т.е. идентификацией с конкретным социальным движением или группой активистов.

2. Переживание гнева как аффективной реакции на несправедливость предсказывает намерения к совершению денежных пожертвований (для помощи обеим целевым группам), обсуждению проблемы и подписанию петиций (для помощи пострадавшим мужчинам).

3. Просоциальная идентичность вносит непрямой положительный вклад в намерение помогать пострадавшим от ДН женщинам и мужчинам, опосредованный через самоэффективность (для

обеих групп) и переживание гнева (только для группы пострадавших мужчин).

4. Враждебный сексизм напрямую подрывает намерения россиян к совершению денежных пожертвований для помощи женщинам, пострадавшим от ДН. Доброжелательные установки напрямую подрывают намерения к подписанию петиций (для помощи обеим целевым группам) и к обсуждению проблем, связанных с помощью пострадавшим от ДН женщинам.

Литература

1. Агадуллина Е.Р. Сексизм по отношению к женщинам: адаптация шкалы амбивалентного сексизма (П. Глика и С. Фиск) на русский язык // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 447–463.
2. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.
3. Алгоритм света — Консорциум женских неправительственных объединений [Электронный ресурс]. URL: <https://wcons.net/projects/algorithm-sveta/> (дата обращения: 29.09.2024).
4. Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А. Почему люди оправдывают насилие: роль мотивационных оснований в поддержке мифов об изнасиловании // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 1–17.
5. Гулевич О.А., Гусева В.В. Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 3. С. 9–22.
6. Казун А.П. и др. Бьет — значит любит? Стратегии депроблематизации домашнего насилия в российских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5(171). С. 149–171.
7. Кривошеков В.С., Гулевич О.А., Любкина А.С. Враждебные и доброжелательные аттитюды к мужчинам: адаптация шкалы амбивалентности к мужчинам на русский язык // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 427–446.
8. Кухтова Н.В. Идентичность: исследовательский поиск (адаптация методики «Содержание просоциальной идентичности») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. 2011. № 2. С. 43–51.
9. Сычев О.А. Теория моральных оснований: современный взгляд на психологические факторы политических убеждений // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 5–22.
10. Тяжелобольные взрослые: кто поможет? — ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tjazhelobolnye-vzroslye-kto-pomozhet> (дата обращения: 28.09.2024).
11. Худой мир — или добрая ссора? — ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraja-ssora> (дата обращения: 28.09.2024).

12. *Agadullina E. et al.* Ambivalent sexism and violence toward women: A meta-analysis // *European Journal of Social Psychology*. 2022. Vol. 52. № 5–6. P. 819–859.
13. *Agostini M., van Zomeren M.* Toward a comprehensive and potentially cross-cultural model of why people engage in collective action: A quantitative research synthesis of four motivations and structural constraints // *Psychological Bulletin*. 2021. Vol. 147. № 7. P. 667.
14. *Badenes-Sastre M. et al.* How severity of intimate partner violence is perceived and related to attitudinal variables? A systematic review and meta-analysis // *Aggression and Violent Behavior*. 2024. P. 101925.
15. *Bareket O., Fiske S.T.* A systematic review of the ambivalent sexism literature: Hostile sexism protects men's power; benevolent sexism guards traditional gender roles // *Psychological bulletin*. 2023. Vol. 149. № 11–12. P. 637–698.
16. *Becker J.C., Wright S.C.* Yet another dark side of chivalry: Benevolent sexism undermines and hostile sexism motivates collective action for social change // *Journal of personality and social psychology*. 2011. Vol. 101. № 1. P. 62–77.
17. *Corcoran K.E., Pettinicchio D., Young J.T.N.* Perceptions of structural injustice and efficacy: Participation in low/moderate/high cost forms of collective action // *Sociological Inquiry*. 2015. Vol. 85. № 3. P. 429–461.
18. *Ellemers N., Barreto M.* Collective action in modern times: How modern expressions of prejudice prevent collective action // *Journal of Social Issues*. 2009. Vol. 65. № 4. P. 749–768.
19. *Glick P., Fiske S.T.* The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating Hostile and Benevolent Sexism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70. № 3. P. 491–512.
20. *Glick P., Fiske S.T.* The ambivalence toward men inventory: Differentiating hostile and benevolent beliefs about men // *Psychology of women quarterly*. 1999. Vol. 23. № 3. P. 519–536.
21. *Gracia E., Lila M., Santirso F.A.* Attitudes toward intimate partner violence against women in the European Union: A systematic review // *European Psychologist*. 2020. Vol. 25. № 2. P.104–121.
22. *Hamann K.R.S. et al.* Believing that we can change our world for the better: A Triple-A (Agent-Action-Aim) Framework of self-efficacy beliefs in the context of collective social and ecological aims // *Personality and Social Psychology Review*. 2024. Vol. 28. № 1. P. 11–53.
23. *Henseler J., Ringle C.M., Sinkovics R.R.* The use of partial least squares path modeling in international marketing // *New challenges to international marketing*. Emerald Group Publishing Limited, 2009. P. 277–319.
24. *Kelly C., Breinlinger S.* Identity and injustice: Exploring women's participation in collective action // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 1995. Vol. 5. № 1. P. 41–57.
25. *Kruahiran P., Boonyasiriwat W., Maneesri K.* Thai police officers' attitudes toward intimate partner violence and victim blaming: The influence of sexism and female gender roles // *Journal of interpersonal violence*. 2022. Vol. 37. № 9–10. P. NP7426–NP7446.
26. *Leach C.W. et al.* Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // *Journal of personality and social psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144.
27. *Macchia L., Whillans A.V.* The link between income, income inequality, and prosocial behavior around the world // *Social Psychology*. 2022. Vol. 52. № 6.
28. *Nardi-Rodríguez A. et al.* Willingness to help women victims of intimate partner violence in a Spanish context: Differential factors, interactions and predictors // *PLoS one*. 2024. Vol. 19. № 7. P. E0307274.
29. *Osborne D. et al.* Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action // *European Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 49. № 2. P. 244–269.
30. *Petkanopoulou K. et al.* Collective disadvantage in the context of socioeconomic crisis in Greece: The role of system directed anger, politicians directed anger and hope in normative and non

- normative collective action participation // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2022. Vol. 32. № 4. P. 589–607.
31. Ringle C.M., Wende S., Becker J.-M. “SmartPLS 4.” Oststeinbek: SmartPLS GmbH. 2022 [Electronic resource]. URL: <http://www.smartpls.com> (Accessed 28.09.2024).
32. Shepherd L. et al. The role of threat, emotions, and prejudice in promoting collective action against immigrant groups // *European Journal of Social Psychology*. 2018. Vol. 48. № 4. P. 447–459.
33. Smeekes A., Sedikides C., Wildschut T. Collective nostalgia: Triggers and consequences for collective action intentions // *British Journal of Social Psychology*. 2023. Vol. 62. № 1. P. 197–214.
34. Subašić E., Schmitt M.T., Reynolds K.J. Are we all in this together? Co-victimization, inclusive social identity and collective action in solidarity with the disadvantaged // *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 50. № 4. P. 707–725.
35. Taylor J.C. et al. Barriers to men’s help seeking for intimate partner violence // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37. № 19–20. P. NP18417–NP18444.
36. Włodarczyk A. et al. Hope and anger as mediators between collective action frames and participation in collective mobilization: The case of 15-M // *Journal of Social and Political Psychology*. 2017. Vol. 5. № 1. P. 200–223.
37. Wright S.C., Taylor D.M., Moghaddam F.M. Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58. № 6. P. 994.
38. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: a quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134. № 4. P. 504.
39. Van Zomeren M., Saguy T., Schellhaas F.M.H. Believing in “making a difference” to collective efforts: Participative efficacy beliefs as a unique predictor of collective action // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2013. Vol. 16. № 5. P. 618–634.
40. Zhao M. et al. Subjective socioeconomic status: an alternative to objective socioeconomic status // *BMC Medical Research Methodology*. 2023. Vol. 23. № 1. P. 73.

References

1. Agadullina E.R. Seksizm po otnosheniyu k zhenshchinam: adaptatsiya shkaly ambivalentnogo seksizma (P. Glick i S. Fisk) na russkii yazyk [Sexism towards Women: Adaptation of the Ambivalent Sexism Scale (P. Glick and S. Fisk) on a Russian Sample]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 447–463. (In Russ.).
2. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Model’ izmereniya ingruppovoi identifikatsii: proverka na rossiiskoi vyborke [Measurement Model of In-group Identification: Validation in Russian Samples]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2013. Vol. 10, no. 4, pp. 143–157. (In Russ.).
3. Algoritm sveta – Konsortsium zhenskikh nepravitel’svennykh ob’edinenii [Algorithm of light – Consortium of Women’s Non-Governmental Organizations] [Electronic resource]. URL: <https://wcons.net/projects/algorithm-sveta/> (Accessed 29.09.2024). (In Russ.).
4. Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A. Pochemu lyudi opravdyvayut nasilie: rol’ motivatsionnykh osnovanii v podderzhke mifov ob iznasilovanii [Why People Justify Violence: The Role of Motivational Foundations in Rape Myths Acceptance]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17. DOI:10.17759/psylaw.2024140101 (In Russ.).
5. Gulevich O.A., Guseva V.V. Opravdanie sistemy, gruppovaya identifikatsiya i politicheskoe povedenie: protesty v Khabarovskom krae [System Justification, Group Identification and Political Behavior: Protests in Khabarovsk Krai]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 9–22. DOI:10.17759/sps.2021120302 (In Russ.).

6. Kazun A.P. et al. “B’et — znachit lyubit”? Strategii deproblematizatsii domashnego nasiliya v rossiiskikh SMI [“If He Beats You, It Means He Loves You”? Strategies for Deproblematizing Domestic Violence in the Russian Media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 5, pp. 149—171. DOI:10.14515/monitoring.2022.5.2220 (In Russ.).
7. Krivoshechekov V.S., Gulevich O.A., Lyubkina A.S. Hostile and benevolent attitudes toward men: psychometric properties of the Russian version of the Ambivalence toward Men Inventory. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 427—446.
8. Kukhtova N.V. Identichnost’: issledovatel’skii poisk (adaptatsiya metodiki “Soderzhanie prosotsial’noi identichnosti”) [Identity: a research exploration (adaptation of the moral identity content assessment)]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 2: Pedagogika, psikhologiya, metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov = Bulletin of Minsk State Linguistic University. Vol. 2: Pedagogy, psychology, methods of teaching foreign languages*, 2011, no. 2, pp. 43—51. (In Russ.).
9. Sychev O.A. Teoriya moral’nykh osnovanii: sovremenniy vzglyad na psikhologicheskie faktory politicheskikh ubezhdenii [Moral Foundations Theory: Modern View on the Psychological Factors of Political Beliefs]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 5—22. DOI:10.17759/sps.2023140101 (In Russ.).
10. Tyazhelobol’nye vzroslye: kto pomozhet? — VTsIOM [Seriously ill adults: who will help? — VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)] [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tjazhelobolnye-vzroslye-kto-pomozhet> (Accessed 28.09.2024). (In Russ.).
11. Khudoi mir — ili dobraya ssora? — VTsIOM [A bad peace — or a good quarrel? — VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)] [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoi-mir-ili-dobraya-ssora> (Accessed 28.09.2024). (In Russ.).
12. Agadullina E. et al. Ambivalent sexism and violence toward women: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology*, 2022. Vol. 52, no. 5—6, pp. 819—859.
13. Agostini M., van Zomeren M. Toward a comprehensive and potentially cross-cultural model of why people engage in collective action: A quantitative research synthesis of four motivations and structural constraints. *Psychological Bulletin*, 2021. Vol. 147, no. 7, pp. 667—700.
14. Badenes-Sastre M. et al. How severity of intimate partner violence is perceived and related to attitudinal variables? A systematic review and meta-analysis. *Aggression and Violent Behavior*, 2024. Vol. 76, no. 101925, pp. 1—14.
15. Bareket O., Fiske S.T. A systematic review of the ambivalent sexism literature: Hostile sexism protects men’s power; benevolent sexism guards traditional gender roles. *Psychological bulletin*, 2023. Vol. 149, no. 11—12, pp. 637—698.
16. Becker J.C., Wright S.C. Yet another dark side of chivalry: Benevolent sexism undermines and hostile sexism motivates collective action for social change. *Journal of personality and social psychology*, 2011. Vol. 101, no. 1, pp. 62—77.
17. Corcoran K.E., Pettinicchio D., Young J.T.N. Perceptions of structural injustice and efficacy: Participation in low/moderate/high cost forms of collective action. *Sociological Inquiry*, 2015. Vol. 85, no. 3, pp. 429—461.
18. Ellemers N., Barreto M. Collective action in modern times: How modern expressions of prejudice prevent collective action. *Journal of Social Issues*, 2009. Vol. 65, no. 4, pp. 749—768.
19. Glick P., Fiske S.T. The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating Hostile and Benevolent Sexism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 70, no. 3, pp. 491—512.
20. Glick P., Fiske S.T. The ambivalence toward men inventory: Differentiating hostile and benevolent beliefs about men. *Psychology of women quarterly*, 1999. Vol. 23, no. 3, pp. 519—536.

21. Gracia E., Lila M., Santirso F.A. Attitudes toward intimate partner violence against women in the European Union: A systematic review. *European Psychologist*, 2020. Vol. 25, no. 2, pp.104–121.
22. Hamann K.R.S. et al. Believing that we can change our world for the better: A Triple-A (Agent-Action-Aim) Framework of self-efficacy beliefs in the context of collective social and ecological aims. *Personality and Social Psychology Review*, 2024. Vol. 28, no. 1, pp. 11–53.
23. Henseler J., Ringle C.M., Sinkovics R.R. The use of partial least squares path modeling in international marketing. *New challenges to international marketing*. Emerald Group Publishing Limited, 2009, pp. 277–319.
24. Kelly C., Breinlinger S. Identity and injustice: Exploring women's participation in collective action. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 1995. Vol. 5, no. 1, pp. 41–57.
25. Kruahiran P., Boonyasirawat W., Maneesri K. Thai police officers' attitudes toward intimate partner violence and victim blaming: The influence of sexism and female gender roles. *Journal of interpersonal violence*, 2022. Vol. 37, no. 9–10, pp. NP7426–NP7446.
26. Leach C.W. et al. Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of personality and social psychology*, 2008. Vol. 95, no. 1, pp. 144–165.
27. Macchia L., Whillans A.V. The link between income, income inequality, and prosocial behavior around the world. *Social Psychology*, 2022. Vol. 52, no. 6.
28. Nardi-Rodriguez A. et al. Willingness to help women victims of intimate partner violence in a Spanish context: Differential factors, interactions and predictors. *PLoS one*, 2024. Vol. 19, no. 7, pp. E0307274.
29. Osborne D. et al. Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 2, pp. 244–269.
30. Petkanopoulou K. et al. Collective disadvantage in the context of socioeconomic crisis in Greece: The role of system directed anger, politicians directed anger and hope in normative and non normative collective action participation. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2022. Vol. 32, no. 4, pp. 589–607.
31. Ringle C.M., Wende S., Becker J.-M. “SmartPLS 4.” Oststeinbek: SmartPLS GmbH. 2022 [Electronic resource]. URL: <http://www.smartpls.com> (Accessed 28.09.2024).
32. Shepherd L. et al. The role of threat, emotions, and prejudice in promoting collective action against immigrant groups. *European Journal of Social Psychology*, 2018. Vol. 48, no. 4, pp. 447–459.
33. Smeekes A., Sedikides C., Wildschut T. Collective nostalgia: Triggers and consequences for collective action intentions. *British Journal of Social Psychology*, 2023. Vol. 62, no. 1, pp. 197–214.
34. Subašić E., Schmitt M.T., Reynolds K.J. Are we all in this together? Co-victimization, inclusive social identity and collective action in solidarity with the disadvantaged. *British Journal of Social Psychology*, 2011. Vol. 50, no. 4, pp. 707–725.
35. Taylor J.C. et al. Barriers to men's help seeking for intimate partner violence. *Journal of interpersonal violence*, 2022. Vol. 37, no. 19–20, pp. NP18417–NP18444.
36. Włodarczyk A. et al. Hope and anger as mediators between collective action frames and participation in collective mobilization: The case of 15-M. *Journal of Social and Political Psychology*, 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 200–223.
37. Wright S.C., Taylor D.M., Moghaddam F.M. Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest. *Journal of personality and social psychology*, 1990. Vol. 58, no. 6, pp. 994–1003.
38. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: a quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological bulletin*, 2008. Vol. 134, no. 4, pp. 504–535.
39. Van Zomeren M., Saguy T., Schellhaas F.M.H. Believing in “making a difference” to collective efforts: Participative efficacy beliefs as a unique predictor of collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2013. Vol. 16, no. 5, pp. 618–634.

40. Zhao M. et al. Subjective socioeconomic status: an alternative to objective socioeconomic status. *BMC Medical Research Methodology*, 2023. Vol. 23, no. 1, pp. 73.

Информация об авторах

Ананьева Ольга Алексеевна, аспирант, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Прусова Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук, заведующая Научно-учебной лабораторией психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Ananyeva, Graduate Student, Research Intern, Laboratory for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Irina S. Prusova, PhD in psychology, head of Laboratory for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Получена 01.10.2024

Received 01.10.2024

Принята в печать 19.12.2024

Accepted 19.12.2024